

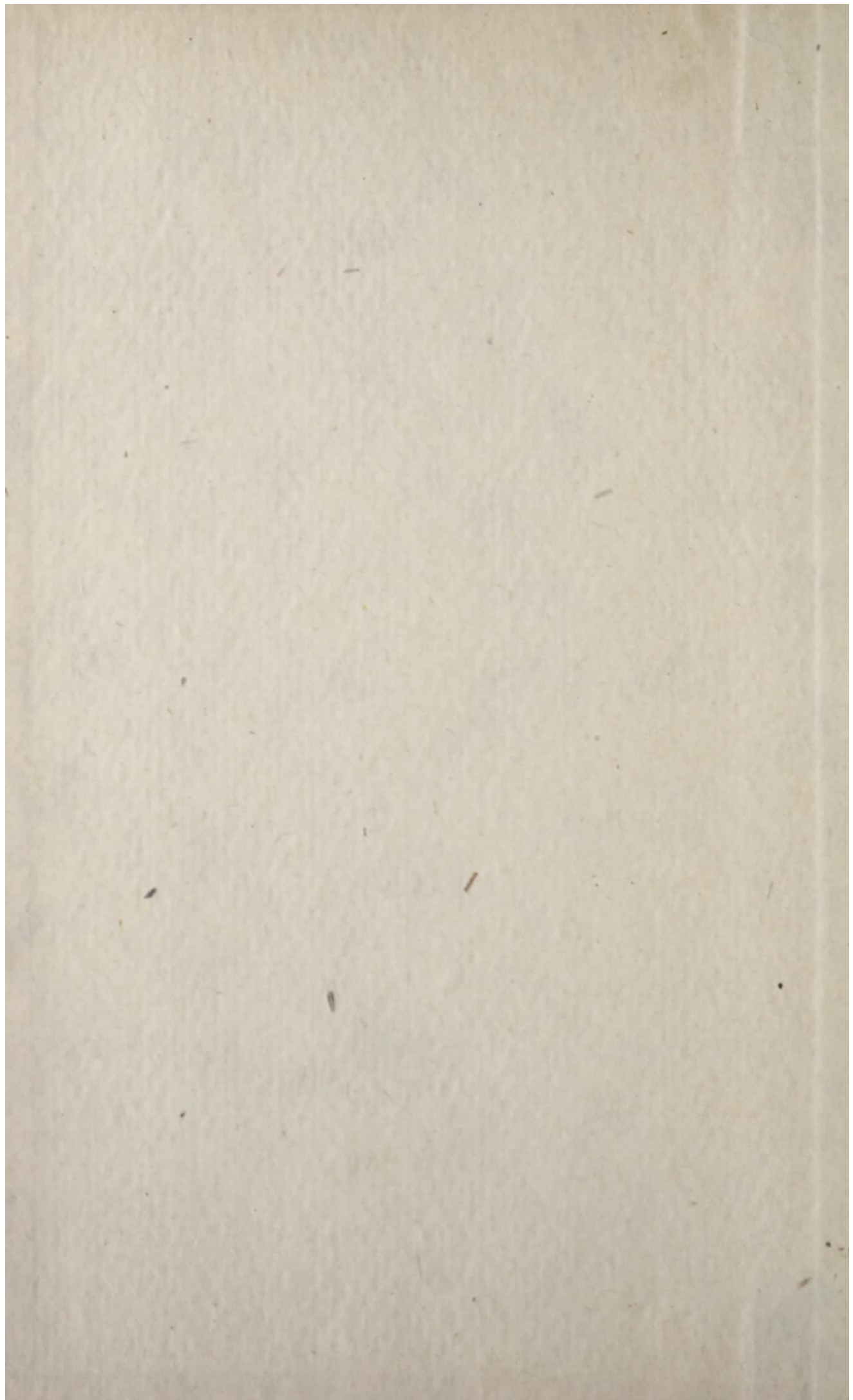
1127к.

И. В ОЛКОВ

БУНТАРИ

„ОСНОВА“

И. А. ВОЛКОВ

БУНТАРИ

Сцены из истории
рабочего движения
в 1905 году

В 5-х действиях, 6-ти картинах

ИВАНОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
И. А. КРЕЗОВОЙ

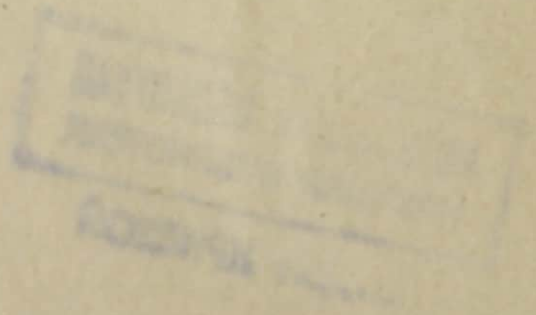
2010

„ОСНОВА“
Иваново-Вознесенск
1925

1941

94

Напечатано в типо-литографии «Красный
Октябрь» Книгоиздательского Товарище-
ства «Основа» в Иваново-Вознесенске.
Ив.-Возн. Гублит № 381. Тираж 5000 экз.

Действующие лица:

ВАСИЛИЙ КИРЯКИН — слесарь, лет 22—23.

ОЛЯ — девушка, лет 18-ти, — сестра Кирякина, фабричная работница.

ЦЕЦУЛЯ — друг Кирякина; тоже слесарь, лет 20-ти.

ДУБОВ — агитатор из рабочих, лет 28-ми. Очень худ, смугл, сутуловат; в общем физически некрасив, но во всей его тонкой фигуре, в прямо и смело смотрящих глазах, в твердой, быстрой речи, в решительных и быстрых движениях, чувствуется большая внутренняя сила и духовная красота.

ЕРМОШКИН — фабричный рабочий, нестарый еще, лет 40-45, но весь измятый, точно изжованный каким-то чудовищем.

БАТЯ — интеллигент-мастеровой, лет 50-ти, коренастый, кудрявый, борода и голова в густых сединах.

ЛИЗА КУЧКИНА — подруга Оли; ткачиха, девушка лет 18-ти.

ПЛЕТКИН — лет 35-ти; во внешности с первого-же взгляда есть что-то отталкивающее.

Фабрикант БАБУРИН — лет 50-ти.

ГУБЕРНАТОР.

МИТРИЧ — сторож при ф-ке Бабурина.

АРТЕМЬИЧ — сторож при „Аршиновской Мануфактуре“.

1-й рабочий	1-й кузнец	
2-й рабочий	2-й кузнец	
3-й рабочий	3-й кузнец	
1-й ткач	Лука ПЕТРОВ	} ткачи
2-й ткач	Авдотья СЕРГЕЕВА	
3-й ткач	СИДОРКИН — председатель	
4-й ткач	Заводского Комитета.	

Жандармы. Старший стражник. Рабочие. Стражники. Казаки.

Место действия — большой фабричный город.

Время действия — 1905-й год.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ.

Летний вечер. Квартира Кириякина: бедная, низкая хата в одну комнату, разделенная ситцевой занавеской на две половины. В раскрытое окно видны сверкающие огнями фабричные корпуса.

ОЛЯ сидит с книгой у окна, задумавшись. В окно доносится гул фабричной жизни, глухой стук фабричных станков и машин, удары кузнечных молотков и пыхтение пара. Входит ЕРМОШКИН.

ЕРМОШКИН (*снимая фуражку*). Здравствуй, Оля!

ОЛЯ. Здравствуй, Ермошкин!

ЕРМОШКИН. Васи, видно, нет дома?

ОЛЯ. Нет... Посиди... Он, наверное, скоро придет.

ЕРМОШКИН (*не торопясь, с видом сильно уставшего человека, садится к окну*). Посмотрю я на тебя, Оля, и дивлюсь: такая молодая, такая красавица, а все то за книжкой сидит, все то за книжкой.

ОЛЯ (*улыбаясь*). Нельзя иначе, Ермошкин, надо учиться: время теперь такое...

ЕРМОШКИН. Это ты, Олечка, верно говоришь: мудреное времячко настало... Ой, мудреное!.. Бывало нашего брата, рабочего, купцы попросту жали — кулаком. А теперь машины разные для этого заведены... Инженеры да химики ученые за ними сидят, — мозгуют: как-бы из нас поболее соков выдавить... Ну, да и рабочие ныне куда поумнели... Бывало, в старое время, что мы, рабочие, в свободное от работы время делали... В карты, да в „орла“ дулись, аль бо за четвертной водки, гденибудь на задворках, в крапиве, песни дурацкие орали... А теперь не то... Ныне вон какие ребята пошли: Батя, Цецуля, али твой братец, Вася... Смелый, до всего дотошный народ. Тоже все в книжки, да в газеты смотрят, али в лес на тайные сходки летают.

ОЛЯ. Нельзя иначе, Ермошкин... Надо нам учиться, готовиться к бою с капиталом. Заграницей, благодаря своему развитию, рабочие давно уже добились многого.

ЕРМОШКИН. Это верно, это правильно ты говоришь, Олечка, надо учиться по новому жить, пора... И сейчас перелом, большой перелом идет в народе... Вот ты, рабочая девушка, а гляди-ко-сь, — все за книжкой сидишь, все учишься... Вчера встретил Лизутку Кучкину, — бежит на сходку в лес; меня звала... Только, вот, мы, старики, никудышный народ, стадо рабочее... Заела нас фабрика, со всем заела.

ОЛЯ. Стыдно, Ермошкин, так про себя думать: читать и учиться никогда не поздно... Надо всем стеной идти вперед, завоевывать лучшее.

ЕРМОШКИН (*Оживляясь*) Я, Олечка, стараюсь бежать за вами, молодыми, да трудно, ноги заплетаются.. (*Вынимает из за пазухи две — три красных брошюрки*). Вот дал мне Вася почитать. Читал я, да, не все в них понимаю.. Поразжевал бы кто.

ОЛЯ. Подожди, Вася скоро придет. Он раз'яснит тебе. (*Встает, отходит от окна и начинает прибирать комнату*).

ЕРМОШКИН (*Сидит у окна, задумавшись*). Вот она, фабрика то.. Ишь, вытаращила глазища.. Смотрит в темноту ночную точно зверь ненасытный.. Воет, дрожит всем телом от злости и жадности.. Зубами — машинами скрежещет... А трубы то, трубы то точно хоботы в звездное небо вытянулись... (*Слышится вой фабричного гудка и какое-то шипенье*). Завыла! Ишь, завыла, проклятая!.. И впрямь, точно зверь, голодный... У, проклятая! Как я тебя ненавижу!.. (*Плюет в окно. Молчит несколько секунд, а потом продолжает в более мирном тоне*). Эх, фабрика... Фабрика... Что ты со мной сделала?! Пришел я к тебе 12-ти летним мальчишкой, глупышем румяным.. Веселый был такой.. Одно слово: глупыш, цыпленок несмышленный.. И ты меня, как собака цыпленка, хамкнула.. Только не проглотила, а вот изжевала всего, измяла.. Нако-ся, на что я теперь похож стал?.. Так, тряпка какая-то, али мочалка.. Все ты, фабрика, у меня взяла: молодость, силу, веселость духа.. А что дала? Ничего... Разве, вот, прежде времени на спину горб мне навесила.. Помню, пришел я из деревни на фабрику в хорошей поддевке, в добрых валенцах, в шапке волчьей.. А теперь — на вот, что заслужил за 30 лет работы: рваный пиджачишко, да опорки на ноги.. Ты — фу, зверюга ненасытная! (*Плюет в окно*).

Быстро входят: КИРЯКИН, ЦЕЦУЛЯ и ПЛЕТКИН. Первые двое очень оживлены и, видимо, чем-то радостно взволнованы.

КИРЯКИН (*Подходя к Ермошкину*). Здравствуй, Ермошкин! (*Горячо жмет ему руку*).

ЕРМОШКИН Здравствуйте, други! Что больно веселы? Али самому Бабурину на толстое брюхо прокламацию налепили?

ЦЕЦУЛЯ (*Бегая по комнате и потирая руки*). Лучше, Ермошкин: прямо под нос, на верхнюю губу купчишке пластырь поставили. А при пластыре рецепт: Бабурин-купец из жуликов — жулик, из живодедов — живодед. А посему — надо дать по шапке ему. (*Весело хохочет*).

ЕРМОШКИН (*Смеется*). Э, братики! Как бы вам за это самим по шее непопало. У Бабурина-купца свой пластырь для вас есть... — во какой... чижолый (*показывает кулак*).

ЦЕЦУЛЯ. Прوماхнется... да пузом еще в грязь хлопнется..

ЕРМОШКИН *(Смеется, качая головой)*. Ну, и народ ноне пошел озорной. С вами, ребята, пропадешь..

ЦЕЦУЛЯ. Не пропадешь, Ермошкин! Держитесь как вы, старики, к нам, молодым, поближе... Поплотнее... Да посмелее глядите вперед... Так-то лучше будет... погоди, Ермошкин, придет время, — не Бабурин, а мы на нем кататься будем.

ЕРМОШКИН. Ну, и огонь же ты, парень.. Люблю таких. *(Показывая Цецэле принесенную брошюрку)*. Вот, друг, недомекаю я тут что-то маленько... Не раскумекаешь ли ты мне?..

ЦЕЦУЛЯ. Ну, ну, кажи, в чем дело...

(Дальнейший разговор между собой ведут тихо).

ПЛЕТКИН *(Во время этого разговора тихо подходит к Оле; стараясь заглянуть ей в лицо)*. Здравствуйте, Оля.

ОЛЯ *(Холодно)*. Здравствуйте... *(Отходит в дальний угол)*.

ПЛЕТКИН. Что вы так холодны со мной?

ОЛЯ. Извините... Уж какая есть... Притворяться не люблю.. *(Повертывается к Плеткину спиной)*.

ПЛЕТКИН *(Тихо, со злобой)*. Гордячка! Недотрога! Подумаешь, какая принцесса... *(Отходит к столу, перебирает там лежащие книги и газеты, одновременно наблюдая за Олей)*.

КИРЯКИН *(Во все время разговора Ермошкина с Цецелей и Плеткина с Олей закрывает окно и задергивает его занавеской, затем выкладывает из-за пазухи и карманов какие-то записочки и брошюрки, складывает их в пачку и прячет эту пачку под пол, приподняв одну половицу. Затем обращается к Оле)*. Знаешь, Оля, ведь к нам Дубов приехал.

ОЛЯ *(Быстро повертываясь к брату и точно вся расцветая)*. Митя приехал?!

КИРЯКИН. Да, Дмитрий... Минут через десять будет здесь...

ОЛЯ. Вот хорошо! Откуда он? Надолго ли? *(Начинает суетиться, прихорашиваясь)*.

ЕРМОШКИН *(Тихо Кирякину)*. Ожила девка сразу... Вот она любовь-то... радость сердечная...

КИРЯКИН *(Тихо)*. Да, сестренка любит Дмитрия... *(Громче)*. Да как и не полюбить такого парня.. Ведь он сам крепко любит рабочий народ. Сколько он перестрадал за рабочее дело! Другой бы и сотой доли того не вынес, бросил бы все... А Дмитрий, несмотря ни на что, продолжает крепко стоять за родное дело... Вот и сейчас, приехал сюда, рискуя своею головой. Приехал затем, что-б постоять за рабочих... Комитет прислал его с тем, что-б организовать

и провести здесь забастовку. И Дмитрий ее проведет... Дмитрий не бросит дела на полдороге. Не из таких он: жизнь не пожалеет, а сделает то, что нужно сделать... Ах, Ермошкин!.. Если-б ты слышал, как хорошо говорил сейчас Дмитрий у нас, в комитете...

ЦЕЦУЛЯ (*Горючо*). Славно, преотлично говорил Дубов!.. Во как разогрел всех наших... С таким, как Дубов, я хоть сейчас выступлю на улицу... С такими, как он, не страшно и умирать.

ЕРМОШКИН. На чем же, други, порешили?

КИРЯКИН. Порешили организовать забастовку... Очередь за нами, наш район начнет... Первый выйдет с фабрик на улицу...

ЕРМОШКИН. Эх, други... Сурьезное вы дело затеаете... Не сорвитесь... Больно еще у нас много темного народа, несознательного...

КИРЯКИН (*Ударяя Ермошкина по плечу, горячо*). Знаешь, Ермошкин, смелость города берет... Да, народ темен, плохо организован, но он подготовлен уже. Его подготовили сами господа-фабриканты своим бесчеловечным отношением к рабочему люду... беспощадными штрафами, нищенской оплатой труда. Костер уже готов, нужна лишь искра...

ЦЕЦУЛЯ. Да, да... Нужен лишь сигнал... Нужен лишь хороший вождь... А он уже есть... Дубов здесь...

ЕРМОШКИН (*Ударяя Цецулю по плечу*). Эх, Цецуля, как-бы все так в рабочее дело верили, как ты да Вася, да Дубов...

ЦЕЦУЛЯ (*Перебивая его, живо*). А ты верь, Ермошкин... Верь в рабочее дело, и других заставляй верить... Подготавливай... Знаешь: вера горами движет.

Входят: ДУБОВ, БАТЯ и еще 2 — 3 рабочих.

ДУБОВ. Добрый вечер, товарищи! (*Осматривается*). А у тебя все по-старому, Вася...

КИРЯКИН. Ну, нет, брат, не все... Вот с тех пор, как ты здесь не был, на штанах пять новых заплаток прибавилось. (*Все весело смеются и здороваются, крепко пожимая друг другу руки*).

ДУБОВ (*Быстро подходит к Оле*). Здравствуйте, Оля. Как вы здесь жили без меня?

ОЛЯ (*Смуценная, радостная*). Не важно... Плохо... Вася был без работы... Я болела... А потом без вас скучно было.

ДУБОВ (*Радостно улыбаясь*). Без меня скучно было? кому?

ОЛЯ (*Краснея*). Все скучали... Я... Вася... Ермошкин... Ведь так много прошло времени, как вы были здесь в последний раз.

ДУБОВ. С полгода прошло.

ОЛЯ. Полгода.. Как много!.. *(Меняя тон)*. Скажите, Дубов, как провели вы эти полгода? Ведь вы даже не писали нам. *(Дальнейший разговор Оля и Дубов ведут тихо)*.

ЕРМОШКИН. А у нас, други, случай на фабрике больно несуразный вышел.

КИРЯКИН. Что за случай такой?

ЕРМОШКИН. Да уж такой, что смех и горе. Купец Витушкин за верную службу старичка одного больно хорошо ублаготворил.. То-есть надо бы лучше да больше некуда.. Ух и добрый же у нас хозяин!

ЦЕЦУЛЯ. Ну-ка, ну.. Рассказывай про доброго хозяина.. Послушаем..

ЕРМОШКИН. За-а-анятная история.. Жил-был у нас на фабрике старичек некий, сторожем при фабричных воротах стоял.. Афанасием его звать, 50 лет на фабрике проработал.. Верой—правдой лямку тянул.. Еле ходил от старости, а знай работал.. А на днях, видно, совсем невмоготу стало работать, надумал: „пойду, говорит, к хозяину. Пойду, говорит, в ножки поклонюсь: не могу, мол, больше работать.. Не ослобоните ли.. Пенцию не пожалуете ли старичку за долголетнюю, беспорочную службу“.. Пошел. Говорит хозяину: так и так.. 50 лет верой-правдой служил вашему дедушке, вашему тятеньке и вашей милости.. Не сходя с места 50 годиков.. А хозяин то в ответ: что же, говорит, старик, это верно: надо тебя ослобонить.. Пора уж.. Приходи, говорит, завтра в контору.. Обрадовался старик, ног под собой не учуял,—бежит на другой день в контору, бежит, а сам от старости спотыкается.. Ну, думает: сподобился.. Пожалуют..

(Все слушают рассказ Ермошкина).

БАТЯ. Ну, и что-же: пожаловал хозяин старика?

ЕРМОШКИН. Как же, пожаловал.. Со службы уволил и пенцию назначил—рупь в месяц.. После старик в ногах у хозяина валялся: я, говорит на такой пенции умру.. Примите, говорит, на службу обратно.. А хозяин отвечает: нет, говорит, нам таких работников не надо: стар уж ты.. Зря только место занимать будешь..

ЦЕЦУЛЯ. Ну, и что-же дальше? Где же теперь старик?

ЕРМОШКИН. А на паперти соборной с сумой стоит.. Перед богом фабрикантово милосердие восхваляет..

БАТЯ. Известное дело: солдату, за оторванную руку в сражении, царь жалует медную медаль, а рабочему, в день юбилея его верной службы,—фабрикант дарит аршин ситца на нищенскую суму, да пинок пониже поясицы..

ЦЕЦУЛЯ *(Сжимая кулаки и шагая по комнате)* Вот подлецы! Вот кровососы! Сосут нашу кровь и сытости не знают... Нет, довольно... Терпению рабочего приходит конец... Скоро и мы до вас доберемся... Узнаете тогда, как драть с рабочего последнюю шкуру. *(Стук в окно. Все тревожно прислушиваются).*

КИРЯКИН. Небеспокойтесь, товарищи.. Постуку слышно—свой... *(Выходит и быстро возвращается с Лизой Кучкиной).*

ЛИЗА *(Видимо чем-то взволнованная, голос ее дрожит).* Здравствуйте, товарищи. Здравствуй, Оля! *(Опускается на стул и тихо плачет).*

ОЛЯ *(Бросаясь к подруге).* Что с тобой, Лиза? Что случилось?

ЛИЗА *(Продолжая плакать).* Сейчас Маруся Петрова отравилась... С Аршиновской фабрики... Моя подруга..

ОЛЯ. Отравилась Маруся?! В чем дело? Какая причина?

ЛИЗА. Молодой хозяин к ней приставал... Измучил приставаньями... А вчера, говорят, силком ее взяли... Увезли куда-то и чем то опоили... Прибежала сегодня утром домой сама не своя и и отравилась... *(Больше не может говорить, рыдает).*

ОЛЯ. Какой ужас... Какой ужас...

ДУБОВ. Какая подлость!

БАТЯ. Обычная фабричная история...

ЦЕЦУЛЯ. Это безобразие! Это чорт знает что такое!.. И мы, рабочие, все еще терпим такие издевательства... Все еще ждем чего-то.. Нет, довольно! Натерпелись! Пора подниматься. Пора громко заявить, что и мы люди.. Пора потребовать своих прав.. Пора объявить забастовку и выставить наши требования...

ДУБОВ *(Выступая на середине комнаты.)* Товарищи! Вы слышите, что творится на фабриках... Вы видите, как из нас, рабочих, фабриканты мотают жилы, не щадя ни нашей жизни, ни чести наших матерей и сестер. На наших костях капитал строит свои роскошные дворцы. Наши страдания—источник радости для тех, кто всю жизнь привык бездельничать и развратничать.. То же, что видим мы на фабриках, творится и по всей стране: всюду грубый произвол, насилие, несправедливость. Пора, пора нам, рабочим, стряхнуть с шеи рабье ярмо, в которое всунули наши головы еще тысячи лет назад... Нас, желающих лучшей жизни, лучшей доли для рабочих, клеймят бунтарями. Говорят, что мы, добиваясь лучшего, сеем бунт, смуту... Да, мы бунтари! Мы творим бунт! На насилие эксплуататоров мы отвечаем стачкой, забастовкой, сплоченным выступлением...

Но для нас, рабочих, иного выхода нет. Только в борьбе обретем мы право свое... И потому еще раз я призываю вас к борьбе, к массовому выступлению, к немедленной забастовке...

БАТЯ. Правильно... Медлить нечего... *(Декламирует)*.

Никто не даст нам избавленья:
Ни царь, ни бог и ни герой,—
Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой.

ЦЕЦУЛЯ. Верно! Правильно!.. Надо действовать своею собственной рукой...

БАТЯ *(Взглянув на часы)*. Товарищи, пора на собрание... Нас ждут там...

КИРЯКИН. Да... да, товарищи, пора на сходку... Вот получайте литературу, да вылезайте поаккуратней... По одному... *(Начинает торопливо раздавать присутствующим брошюрки, какие-то листки, видимо, прокламации,— которые он достает из разных сокровенных уголков комматушки. Получающие эту литературу, в свою очередь, прячут ее за пазухой, в сапоги, в подкладку пиджаков и фуражек. затем по очереди, в одиночку, расходятся. Уходят все за исключением Кирякина, Оли, Дубова и Плеткина)*.

ДУБОВ *(Подходя к Оле)*. До свидания, Оля!.. Вы будете на сходке?

ОЛЯ. Нет... Вася меня просил кой-что приготовить здесь для завтрашнего дня...

ДУБОВ. Ага... Понимаю... Ну так до свидания! До завтра... *(Крепко жмет Оле руку)*.

ОЛЯ. До свидания, Дубов. *(Тихо, точно про себя)* Так мимолетно опять... Урывкой...

ДУБОВ. Что вы говорите, Оля?

ОЛЯ *(Как-бы опомнившись)*. Нет... Это так... Идите, идите, Дубов, вас там ждут... Вы нужнее там... Не здесь... Идите...

ДУБОВ. Что с вами, Оля? *(Вдруг точно поняв настроение Оли, крепко пожимая ей руку)*. Ах, Оля... Если-бы вы знали, как я рвался сюда... к вам... Ведь вы, вы да Вася мои лучшие друзья...

КИРЯКИН. Идем, Митя. Нас ждут. *(Оле)*. Не жди меня, Оля, до утра...

ДУБОВ. До свидания, Оля. *(Идет вслед за Кирякиным)*.

ОЛЯ *(Печально)*. Прощайте, Дубов. *(Провожает Дубова взглядом полным любви и грусти. Дубов и Кирякин уходят)*.

ПЛЕТКИН *(Все время молча наблюдавший за Олей и Дубовым из дальнего угла комнаты, оставшись наедине с Олей, тихо, кошачьим шагом, подходит к ней)*. Оля... Олечка!..

ОЛЯ. Кто это?! А, это вы, Плеткин, разве вы еще здесь?

ПЛЕТКИН. Я остался, что-бы поговорить с вами Оля.

ОЛЯ (С нетерпением и досадой). О чем? Все о том же: о своей любви ко мне?..

ПЛЕТКИН. Да... Поймите, Ольга, я люблю вас... я не могу жить, не видя вас... не слыша вашего голоса...

ОЛЯ (Гневно). Отстаньте вы со своей любовью... Я не люблю вас и не могу полюбить. Об этом я уже сколько раз говорила вам.

ПЛЕТКИН. Вы любите другого?

ОЛЯ. Да... Другого...

ПЛЕТКИН. Кого? Дубова?..

ОЛЯ. Да... Его... А вы отстаньте... Уходите...

ПЛЕТКИН. Опомнитесь... Кого вы любите? человека, который не сегодня — завтра снова будет в тюрьме, в ссылке... А может быть угодит даже на виселицу...

ОЛЯ (Бледная, тевно). Не ваше дело, кого я люблю... Уходите отсюда!

ПЛЕТКИН. Но, любя Дубова, вы губите себя... Кто он?... Агитатор! Вечный скиталец!.. Кандидат на виселицу... Он и вас погубит...

ОЛЯ. Не запугивайте... Я не из тех, кто любит меряя и взвешивая.

ПЛЕТКИН. Вы крепко любите его. (Криво усмехаясь). Я не знал этого... Поздравляю с хорошим выбором...

ОЛЯ. Ну так вот знайте,— и убирайтесь отсюда... Я знаю, Плеткин, что говорит в вас. Это не любовь. Любят не так... Уходите... (Показывает на дверь).

ПЛЕТКИН. Вы меня гоните? (Глаза его загораются мрачным огнем). Гоните? Да?..

ОЛЯ. Да, гоню... Потому что сердцем чувствую: ваша любовь ко мне не настоящая, не хорошая...

ПЛЕТКИН. (Хрипло смеясь). Митькина любовь, значит, настоящая?

ОЛЯ. Убирайтесь вон!.. (Раскрывает дверь).

ПЛЕТКИН (С горящими глазами, быстро приближаясь к Оле). Нет, я не уйду... Нет, я останусь здесь... (Быстро схватывает Олю за талию, прижимает ее к себе и целует).

ОЛЯ (Вырываясь из объятий Плеткина и хватая нож со стола). Негодяй!.. Подлец!.. Вон!.. Вон отсюда!.. Иначе...

ПЛЕТКИН (Хрипло, задыхаясь от злобы и волнения). Хорошо... Ладно... Я уйду... Да, уйду... Но помни, Ольга: за то, что ты прогнала меня сегодня,— и ты, и Митька, и твой брат,— все вы дорого заплатите за это... Очень дорого... Я ведь все знаю... Плеткин всех вас утопить может... И утоплю... Утоплю бунтарей проклятых! Утоплю!.. (Уходит, с силой хлопнув дверью).

О Л Я. Что это?.. О чем он говорил?.. Чем-то угрожал... *(Вдруг, точно появив что-то)*. Неужели? Неужели это возможно?! Неужели он пойдет на это, чтоб отомстить мне... мне... одной... *(Бросив нож, в глубокой задумчивости опирается на стол)*.

З а н а в е с.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ.

Слева — ворота фабрики Аршиновской М-ры. Справа — ворота фабрики купца Бабурина. Прямо, на заднем плане, фабричный забор, за которым видны фабричные корпуса, полные движения и звуков.

У ворот Аршиновской М-ры, в будке, сидит сторож АРТЕМЬИЧ, благодушно покуривая трубку. МИТРИЧ, сторож Бабуриной фабрики, ходит около ворот своей ф-ки с метлой в руках, и, наводя порядок, напевает —

Как на горке на крутой,
Постоялый двор худой;
Постоялый двор худой,
В нем солдатик молодой...
Ай, калина... Ай, малина...
Куда, девица, ходила...

АРТЕМЬИЧ. Слышь, Митрич... Наши люди что-то про забастовку болтают...

МИТРИЧ. Слышал.. Слышал... Вчера у нас по всей фабрике прокламаций, страх сколько, набросали... Хозяин узнал, уж лаялся, лаялся... Я, говорит, изымаю вот этих прокламашников, да такой, говорит, им пластырь под нос наклею, — десять лет не прочихаются... *(Продолжает подметать и петь:)*

Лежит Ванька на боку,
Курит трубку табаку,
А от трубки дым такой, —
Со святыми упокой...
Ай, калина... Ай, малина...
Мимо баба проходила,
Стара баба-воркотуха.
Не влюбила того духа...
Рыло тряпкой завязала.
К становому побежала...
Ай, калина... Ай малина...
Становому говорила...

АРТЕМЬИЧ. Митрич... А, Митрич? Эка распелся, не слышит. Скрипит, точно телега немазанная... Митрич, слышь?

МИТРИЧ. Ась?..

АРТЕМЬИЧ. Намедни у нас на фабрике ткацкий мастер дал одному ткачу в ухо... А тот, не будь плох, да мастеру сдачу в зубы... Ажно два зуба вышиб... Рабочего за это было с фабрики вон... А другие ткачи за него горой

встали; точно волки ощерились: не дадим, говорят, товарища в обиду... Мастер сам виноват... Хозяин после этого долго мрачный, как туча, ходил, да ворчал: ой, говорит, кто-то наших ребят мутит.. Сладу с ними не стало...

МИТРИЧ. Хе... Хе... Видно у безрогой скотинки рога отросли... Бодаться начала... Конечно, оно опасно: у вашего-то хозяина, вона, какое брюхо набухло. Чуть не по земле волокется.. Напорется вот на такую рогатую скотинку, живо кишки выпустят...

АРТЕМЬИЧ. Да, брюшко у нашего чижаловато... Что твоя бочка сорокаведерная.. На днях, бают, на весах весился: восемь пудов вытянуло...

МИТРИЧ. Изрядный боропок...

АРТЕМЬИЧ. Взвесился на весах, да и призадумался: эх, бает, меня разнесло... Как бы, бает, не разорвало... Надо, бает, полечиться от толщины.. Чудно: наш брат, рабочий, от худобы, да с пустого брюха мрет, а купец своей толщины пужается...

МИТРИЧ. Премудрость... *(Внимает табакерку, нюхает, чихает.)* А-пчхи!.. А-пчхи!.. Х-хе... А-пчхи!.. Ах, хорош табачек... Я к нему для крепости толченное стекло примешиваю... Да собачьей жженной шерсти прибавляю для скуса... А-пчхи... Знатный табачек... Ну, и дороговат: шесть копеек за четверку плачу... Первеющий сорт беру... *(Продолжает чихать.)*

АРТЕМЬИЧ. Ну, Митрич, ты и чихаешь... Как из пушки... Мотри, как бы у тебя нос не разорвало от этого сорта...

МИТРИЧ. Не... у меня нос клепанный... Фильфебел в солдатах клепал... *(Снова берется за метлу и поет:)*

Ай, калина... Ай, малина...
Баба выла—голосила:
Становой, ты наш заступник,
Ванька злеющий преступник:
Табачище жрет такой
Со святыми упокой...

Воздух прорезывают три коротких последовательных гудка.

АРТЕМЬИЧ. *(Выскакивая из будки)* Господи Иисусе!.. Что такое? Никак у нас гудет... Что за притча: не во-время гудет... И не так, как следует... До смены еще три часа... *(Слышны опять отрывочные гудки... еще и еще...)* Ишь, гудет... Ишь, гудет!.. Точно зовет кого...

МИТРИЧ *(Прислушиваясь, чешет в затылке)*. Оказия!.. Ревет в непоказанное время... Это не спроста, Артемьич...

АРТЕМЬИЧ. Пойти доглядеть, что такое попрытчилось... *(Уходит через узенькую калитку во двор фабрики)*.

Слышно, как после первых же гудков гул машин на Аршиновской фабрике постепенно стихает; его сменяет гул людских голосов, который

все растет, приближаясь. Так проходит несколько секунд... Из за угла Аршиновской м-ры выбегают Дубов и Цецуля, запыхавшиеся, радостные, возбужденные.

ДУБОВ *(Потирая руки)*. Хорошо!.. Очень хорошо!.. Молодцы аршиновцы... Слово сдержали... Начало сделано...

ЦЕЦУЛЯ *(В волнении бежит по сцене, стараясь заглянуть во двор Аршиновской М-ры)*. Что то будет?! Что то будет..

ДУБОВ *(Пожимая ему руку)*. Будет, друг, то, что должно быть... Мы победим.

ЦЕЦУЛЯ. Ах, Дубов... Люблю я тебя за эту отвагу... За дерзость... За веру в рабочее дело... *(Волнуясь, горячо жмет руку Дубову. Тот, весь вытянувшись, подняв высоко голову, горящими глазами смотрит на ворота фабрики; он весь порыв, отвага, стремление вперед... Ворота Аршиновской М-ры быстро распахиваются. Из них вываливается шумная, возбужденная толпа рабочих. Впереди толпы, с красными флагами в руках, Кирякин, Батя и Оля)*

КИРЯКИН. За мной, товарищи! Вперед!

БАТЯ. Вперед, товарищи!.. Вперед!.. На Бабуринскую фабрику!.. Снимать товарищей... Они ждут нас...

Толпа возбужденно кричит: Вперед, товарищи!.. К Бабурину!.. Ура!.. Постоим за рабочее дело!.. Ура!..

ДУБОВ *(Весело)*. Молодцы аршиновцы!.. Дайте поагривку зазнавшимся хозяевам...

Толпа радостно кричит: Дубов... Дубов здесь... Ура!..

ДУБОВ. Товарищи! Вы совершили сегодня великое дело: вы сделали первый шаг к своему освобождению... Вы разорвали первое кольцо сковывающей вас цепи... А великий учитель пролетариата — Карл Маркс сказал: восставшему пролетариату нечего терять, кроме своих цепей...

Толпа продолжает кричать *(Окружая Дубова)*: Здравствуй, товарищ Дубов!.. Верно! Правильно!.. Долой фабрикантов!.. Долой грабителей!.. *(Во время речи Дубова, справа, из-за угла бабуринской ф-ки появляется кучка запыхавшихся стражников, которые торопливо размещаются возле ворот бабуринской ф-ки, как-бы приготовляясь их защищать. Толпа, увлеченная речью Дубова, не замечает стражников.)*

ДУБОВ. Товарищи! Я повторяю вам: вы совершили великий шаг, начав забастовку... Но помните: если хотите достичь цели, — за первым шагом должны быть сделаны и другие... Без борьбы, — без настойчивого желания победить, — не может быть победы... Помните: в борьбе рабочий народ теряет лишь цепи, а приобрести — может все... Только забастовками, только упорной борьбой мы, рабочие, можем

добиться для себя лучшей доли... А пока враг застигнут врасплох, пока он ошеломлен неожиданностью, надо действовать быстро, смело и решительно... Вперед, товарищи! За мной!..

ТОЛПА: Ура, Дубов! Вперед!.. Долой живодеров!.. Долой хозяев! Да здравствует рабочий народ!!

Во главе с Дубовым, Кирякиным, Олей, Батей и Цецулей толпа рабочих направляется к воротам бабуриной фабрики, где ее встречает шеренга стражников с ружьями, взятыми на изготовку.

СТАРШИЙ СТРАЖНИК. Стой! Стрелять будем!.. *(Толпа в нерешительности останавливается).*

ДУБОВ. Товарищи, стражники! Не мешайте трудовому народу добиваться своих прав... Мы хотим показать нашим порабощенным-фабрикантам, что мы тоже люди... Что мы...

СТАРШИЙ СТРАЖНИК. Разойдись!.. Стрелять будем!.. *(Стражники щелкают замками винтовок).*

СТАРШИЙ СТРАЖНИК *(Дубову)*. Уходи... Тебя первого, как главного бунтаря, уложим на месте... *(Берет винтовку на прицел)*. Разойдись!!

ДУБОВ *(Растегнув ворот блузы и обнажая грудь)*. На, стреляй! Я не боюсь умереть за правое дело... Мы пришли сюда не убивать людей, не грабить... Мы вышли из душных фабричных корпусов искать правду... Мы встали за правое, за рабочее дело... *(Обращаясь к другим стражникам)*. Товарищи-стражники! Вы такие же дети народа, как и мы, рабочие... И вы, и мы взяты от сохи, отняты от одной иссохшей груди матери-работницы... Так неужели же вы поднимите руку на нас, своих братьев?! На безоруженных людей, вышедших искать права и лучшей доли?.. *(Короткая пауза. Стражники смущенно переглядываются).*

ДУБОВ *(Обнажая еще больше грудь, бросается вперед с криком)*. Ну, что-ж? Стреляйте!.. вот она, наша беззащитная, рабочая грудь...

Стражники в смущении расступаются перед возбужденной, стихийно рванувшейся за Дубовым толпой рабочих. Под натиском толпы, ворота Бабуриной фабрики трещат, поддаются и широко растворяются. Часть толпы вливается на фабричный двор, часть остается возле ворот, распевая революционные песни. Раздается бабуриный гудок, также троекратный, торжественно-звучащий. Гудок повторяется несколько раз с короткими промежутками. Оставшиеся у ворот рабочие с острым любопытством и тревожным напряжением заглядывают во двор Бабуриной фабрики, как-бы желая узнать, что там творится. Со двора, попеременно с гудком, доносятся отдельные возгласы, отрывки революционной песни. Затем со двора фабрики на улицу вливается новая возбужденная толпа рабочих, впереди которых Дубов, Кирякин, Оля, Лиза Кучкина и другие. Бабуринские рабочие обнимаются и целуются с аршиновскими рабочими, затем сливаются в одну общую толпу. Картина большого оживления: машут шапками, платками, выкрикивают приветствия. Сбоку, из-за угла фабрики, появляется фабрикант Бабурин.

БАБУРИН. Почему бросили работу? Кто приказал?! Что за беспорядки! (*К нему подбегает старший стражник и что-то объясняет, сильно жестикулируя*). Негодяи!.. Мерзавцы!.. Бунтовщики проклятые!.. (*Обращается к толпе, выходящей из ворот фабрики*). Стой, негодяи!.. в корпуса!.. Я вам покажу, как бунтовать...

(*Увидя хозяина, часть толпы теснится в воротах фабрики, замедляя шаг; некоторые испуганно шарахаются в сторону*).

ДУБОВ (*Выдвигаясь вперед толпы*). За мной, товарищи! Вперед!

БАТЯ (*Подходит к Бабурину, берет его за руку и отталкивает прочь*). Не мешай, купец. Дай дорогу... Очередь за нами... (*Проходит вперед, высоко подняв красный флаг и запевая*.)

Вставай, проклятьем заклейменный...

Толпа одушевленно подхватывает, и могучим потоком течет вдоль сцены, мимо мечущегося в бессильной ярости купца Бабурина и кучки стражников, тщетно пытающихся остановить могучее, стихийное движение толпы.

З а н а в е с.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ.

Декорация 2-го действия*). У ворот Аршиновской фабрики, на каком-то возвышении вроде невысокого помоста, стоят: губернатор, Бабурин и другие фабриканты. Подножье возвышения окружает густая цепь стражников, полиции или пеших казаков. Посредине сцены опрокинута бочка; на ней Батя говорит речь. Бочку с оратором окружают рабочие; они плотной массой заполняют пространство между бочкой и воротами Бабуриной фабрики, а также задний план сцены, оставляя лишь небольшое свободное пространство около самого возвышения, на котором стоят губернатор с фабрикантами.

БАТЯ (*Очевидно заканчивая речь*). Товарищи! Из сказанного мною видно, что мы, рабочие, должны твердо стоять плечо к плечу, продолжая борьбу... Сегодня 20-й день, как мы бастуем... И может быть будем бастовать еще больше, но добьемся своего... Тот победит, кто стоек и терпелив в борьбе. Да здравствует стачка! Да здравствует рабочее дело. (*Машет шляпой, спускается с бочки*).

Аплодисменты. Крики: Верно! Спасибо, Батя! Постоим за рабочее дело!..

Движение в толпе и новые крики: Дубов идет! Дубов здесь... Сейчас будет говорить...

Появляется Дубов. Толпа перед ним расступается. Он идет бодро, уверенно, радостно улыбаясь толпе. В толпе Оля и Лиза Кучкина. Дубова сопровождает Кирякин. Дубов бодро вскакивает на бочку — трибуну.

*] Если позволят технические возможности сцены, 3-е действие можно поставить в следующей декорации: городская площадь, прямо — белое большое здание с вывеской: Городская Управа, справа торговые ряды.

ДУБОВ. Товарищи! Вы видите, какова наша сила. Третью неделю бастуем мы, и третью неделю молчат фабрики и заводы. Недвижны их станки и машины. Не дымят фабричные трубы; молчат заводские гудки. Не горят по вечерам тысячами огней огромные фабричные корпуса... Замерла без рабочей силы жизнь на фабриках и заводах... И без нас, без рабочих, фабриканты бессильны пустить в ход свои фабрики и заводы, вдохнуть жизнь в мертвые, пустые корпуса. Без нас, рабочих, замирает и вся деловая жизнь в городе... Значит, мы, рабочие, огромная сила, которая все движет и всему дает жизнь...

ГУБЕРНАТОР (*Надменно и холодно*). Довольно разговоров... Ближе к делу... Говорите прямо, чего вы хотите от ваших хозяев — фабрикантов?

ДУБОВ (*Также холодно и надменно*). Мы хотим удовлетворения наших справедливых требований, которые вашему превосходительству и нашим хозяевам хорошо известны.

ГУБЕРНАТОР. Ваши требования невыполнимы. Если вы на них будете настаивать... я прикажу...

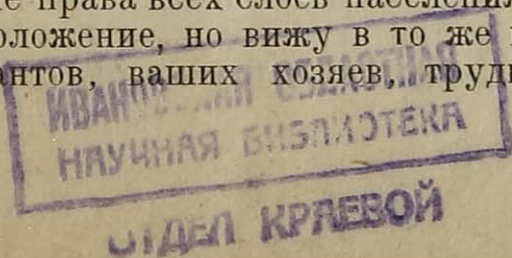
ДУБОВ (*Насмешливо*). Прикажете пустить в ход нагайки и пули? Не так-ли?.. Это мы уже слышали, ваше превосходительство... Нет-ли у вас хоть на этот раз чегонибудь более приятного для нас, рабочих...

ГУБЕРНАТОР. Если будете бунтовать, я вынужден буду пустить в ход вооруженную силу... Я...

ДУБОВ (*В том же насмешливом тоне*). Не запугаете, ваше превосходительство. К таким гостинцам от начальства и фабрикантов мы уже привыкли... (*Меняя тон*). Господин губернатор и господа — хозяева! Не пытайтесь взять нас равнодушным молчанием, измором и угрозами... Вы это уже испытали, но, как видите, безуспешно... Видите, мы твердо стоим на своем... Мы бастуем третью неделю и будем бастовать до тех пор, пока вы не уступите. Вы хотите сдержать напор народного гнева и недовольства плотной своей равнодушия, берегитесь — народ — стихия... Стихия прорвет плотину...

Крики из толпы: Постоим за рабочее дело! Не выдадим!.. Не уступим!.. К чорту губернатора и хозяев!.. Долой!..

ГУБЕРНАТОР. Рабочие! Я с вами говорю, как представитель государственной власти, обязанный блюсти интересы и законные права всех слоев населения губернии.. Я понимаю ваше положение, но вижу в то же время, что и положение фабрикантов, ваших хозяев, трудное. Виной

всему общее тяжелое экономическое состояние государства... Надо понять друг друга.. Не надо горячиться... Не надо требовать того, что невозможно исполнить...

ДУБОВ (*Перебивая губернатора*). Мы требуем то, что принадлежит нам по праву.

ГУБЕРНАТОР (*Гневно*). Молчать! Не перебивать когда я говорю... Не забывайте, молодой человек: с вами говорит губернатор, высший представитель власти в губернии.

ДУБОВ (*Гордо*). Я возражаю вам, как представитель народа, — высшей власти в мире... Довольно усыплять нас пустыми разговорами. Мы пришли сюда за определенным ответом. Скажите кратко: будут ли удовлетворены наши требования?

ГУБЕРНАТОР. Молчать! На ваши требования, если вы будете дерзить, я отвечу казацкими нагайками.

ДУБОВ (*Холодно улыбаясь*). Слышите, товарищи, старую песню? А вы чем ответите на это господину губернатору?!

В толпе поднимается лес рук, угрожающие потрясающих булыжниками и палками. Затем, тесно сплотившись, толпа с глухим ропотом надвигается в сторону губернатора и фабрикантов. Губернатор и все окружающие его инстинктивно пятятся назад. Жуткая тишина, которая длится несколько секунд. Затем тишина постепенно нарушается все растущим ропотом рабочих. Из толпы забастовщиков раздаются отдельные выкрики: Долой грабителей — фабрикантов! Долой живоглофов!! К чорту губернатора!

(*Между губернатором и фабрикантами происходит какое-то краткое совещание*).

ГУБЕРНАТОР (*Оправившись от замешательства*). Рабочие! Успокойтесь, не волнуйтесь... Фабриканты согласны сделать вам некоторые уступки.. В чем ваши требования?

ДУБОВ. Наши главные требования: 8-ми часовой рабочий день... Повышение заработка... Увольнение администраторов, заявивших себя скверным отношением к рабочим. Вот здесь изложены все наши требования. (*Вынимает из кармана лист бумаги и потрясает им в воздухе*).

ГУБЕРНАТОР. Дайте сюда вашу петицию.

ДУБОВ (*Насмешливо*). Не петиция, ваше превосходительство, а наши требования. (*Двое рабочих берут у Дубова бумагу и торжественно передают ее губернатору*).

ГУБЕРНАТОР (*Принимая бумагу, Дубову*). Вы очень дерзки, молодой человек. Не умеете разговаривать с людьми, облеченными властью.

ДУБОВ. Что делать, ваше превосходительство! Мы, рабочие, плохо воспитаны.. Не умеем деликатно выражаться.. Говорим, как чувствуем и как умеем.

ГУБЕРНАТОР (*Морщится, читает поданную бумагу, показывает ее фабрикантам*).

ДУБОВ. (*Склоняясь к толпе, весело беседует с близь стоящими, выражающими ему одобрение*).

ГУБЕРНАТОР. Рабочие... Я просмотрел вашу... вашу... бумагу с предъявленными вами требованиями... Хорошо... мы их еще раз обсудим.

КРИКИ ИЗ ТОЛПЫ: Мы требуем ответа сейчас! сегодня!.. Нечего тянуть волынку...

ГУБЕРНАТОР. Дать ответ на ваши требования немедленно — невозможно... Надо обсудить... Даю слово что через два дня вы будете иметь решительный ответ...

ДУБОВ (*Насмешливо*). Товарищи! Господин-губернатор дает слово... Можно поверить на слово его-превосходительству?

Шум. Крики: Не верим! Врет!.. Чего ждать!.. Ждали довольно!.. (*Шум усиливается*).

ДУБОВ. Товарищи! (*Шум моментально стихает*). Товарищи! Дадим господам фабрикантам возможность собраться с мыслями... Подождем еще день — два... (*Насмешливо*) Надо уважать господ хозяев. Они растерялись и сразу с мыслями собраться не могут.

(*В толпе шутки, смех. Выкрики: „Ну, черт с ними, обождем еще два дня! Ладно... Согласны... Обождем!..“*)

ДУБОВ (*В том же почтительно насмешливом тоне*). Слышите, ваше превосходительство, господин народ согласен подождать ответа два дня. Но не больше.

ГУБЕРНАТОР. Даю слово... А теперь, господа, очень прошу вас тихо и мирно разойтись по домам.

ДУБОВ (*Насмешливо*). Слушаем-с, ваше превосходительство... (*Обращаясь к толпе*). И в самом деле, товарищи, послушаемся умного совета нашего доброго губернатора: разойдемся пока по домам... Уже вечерет... Сегодня выдался довольно жаркий денек... Пора и отдохнуть... (*Спускается с бочки в толпу. Губернатор и фабриканты уходят во двор Аршиновской фабрики. Рабочие окружают Дубова, жмут ему руку. Из толпы раздаются голоса: „Спасибо, Дубов! Молодец! Умеешь постоять за рабочее дело“.* Оживленно беседуя, рабочие расходятся в разные стороны).

ДУБОВ. (*Стоит в центре площади, окруженный тесной толпой, в передних рядах которой: Кирякин, Батя, Цецуля, Ермошкин, Оля и Лиза Кучкина*).

БАТЯ. Ну, и здорово ты, Дубов, сражался с губернатором. У него, бедного, пар шел от лысины, должно быть от злости.

ОЛЯ. Прекрасно! Хорошо!.. (*Горячо жмет руку Дубову*).

ДУБОВ. Вам понравился, Оля, мой поединок с его превосходительством?

ОЛЯ. Страшно... Как он, бедный старичек, злился.. Я боялась, что он не выдержит и лопнет от злости.

(Все весело смеются и тесной, шумной толпой проходят по сцене. Оля идет, тесно прижавшись к Дубову, продолжая весело разговаривать с ним).

ПЛЕТКИН *(Выступая из густой толпы и провожая мрачным, полным злобы, взглядом весело беседующих Дубова и Олю).* Ишь, прижались друг к другу.. Точно голубки.. Воркуют.. Смеются.. Смейтесь, смейтесь, милые, сейчас... А Плеткин будет смеяться потом... погодя...

ЖАНДАРМ *(Переодетый рабочим),* Плеткин, ротмистр велел передать тебе, чтоб ты сегодня же узнал и сообщил ему конспиративные адреса всех зачинщиков забастовки. А главное—адрес Дубова.

ПЛЕТКИН. Ну, схватить их неожиданно, врасплох, не так то легко... Они часто меняют квартиры... К тому же у них образована сильная боевая дружина, которая и сейчас пошла провожать Дубова.

ЖАНДАРМ. Ты, Плеткин, с нами не финти. А то и тебя заарканим. Исполняй, что говорят.

ПЛЕТКИН. Не пугай.. Сам знаю, что делать... В свое время все нужное сделаю.

ЖАНДАРМ. Господин ротмистр говорит, что пора покончить с этими бунтовщиками... Вчера у фабрикантов с губернатором было совещание... Ждут подкрепления... Обещали прислать казаков... Забастовщикам готовится хорошая баня... На днях испарим их голубчиков. Взбучим! Хе... Хе... Хе.. Будут знать бунтовщики, как бунтовать вперед.

(Оба скверно смеются, проходят по сцене и скрываются за кулисы).

З а н а в е с.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

К а р т и н а 1-я.

Декорация изображает бедную, скудно обставленную комнату конспиративной квартиры. Окно комнаты плотно занавешено. Кирякин в изорванной блузе, с исполосованным нагайками лицом и руками, лихорадочно собирает и жжет на свечке разные бумажки и записки. Вбегают Дубов, тоже в разорванной блузе, с кровавым рубцом через все лицо. Жадно пьет воду.

ДУБОВ. Где наши? Где Цецуля, Батя,? где Оля?

КИРЯКИН. Не знаю... Все растерялись.. разбежались куда глаза глядят... Все вышло так неожиданно, быстро...

ДУБОВ *(Бегаю большими шагами по комнате.)* Подлецы Негодяи!.. Говорят, что перед нападением они напоили солдат и казаков допьяна... А потом выпустили их на нас, пообещав за каждого запоротого рабочего 500 рублей награды.. Подлецы!.. *(Останавливается и смотрит на Кирякина).* Однако, здорово тебя разрисовали.

КИРЯКИН. Да... Взяли в нагайки сразу несколько казаков... еле вырвался...*(Пробуя улыбнуться).* Ты тоже, брат, хорошо расписан.

ДУБОВ. За мной гнался целый десяток казаков. Спасся только тем, что бросил две ручных бомбы... Я пробовал остановить рабочих от бегства, от распыления... Обращался к казакам с горячей речью... Но было все напрасно: пьяные казаки были, как звери, а безоружная толпа рабочих после первых же залпов обратилась в овечье стадо... Все произошло с ошеломляющей быстротой... Сколько пролито крови!.. Сколько убитых и искалеченных!.. А за что? За то, что люди пред'явили свои человеческие права.. Подлецы! Звери!.. *(Нервно шагает по комнате).* А что, Кирякин, нас здесь не накроют?

КИРЯКИН. Нет... выставили дозор... Нам необходимо собраться здесь... *(В комнату врываются: Цецуля, Ермошкин и еще двое-трое рабочих).*

ЦЕЦУЛЯ *(Задыхаясь.)* Вы здесь?! Целы?! *(В изнеможении опускается на пол; у него рассечена голова; течет кровь. Дубов хватает с извоздя полотенце, рвет его и делает Цецуле перевязку).*

ДУБОВ. Однако, здорово хватили. Скоты...

РАБОЧИЙ. Что там делается!.. Что делается!.. Людей загнали в овраг... в реку... Топят их там... Топчут лошаадьми.. Избивают нагайками...

ДУБОВ. *(Показывая на Цецулю).* Чем его?

ЕРМОШКИН. Казак шашкой... Цецуля обратился к казакам с речью: просил их образумиться, пожалеть рабочую кровь... И вот получил ответ...

ЛИЗА. *(Вбегая в разорваном платье.)* Вы здесь, друзья? Живы?... *(Осматривается кругом и заливается слезами.)* Бедные люди.. Несчастливые люди.. Правды захотели... справедливости, лучшей доли... Вот она, наша рабочая доля: плети, нагайки.. расстрелы... *(Рыдает).*

ДУБОВ *(Окончив перевязку Цецули, подходит к Лизе и берет ее за руку).* Успокойтесь. Лиза... происшедшего не поправить... Скажите, где другие?

ЛИЗА *(Беря себя в руки).* Петрова схватили.. Халатова тоже схватили... Кочергин убит...

ДУБОВ. Где Батя?..

ЛИЗА. Неизвестно.. Говорят, бежал...

КИРЯКИН. Не видали ли Олю?

ЛИЗА. Говорят, ее схватили переодетые жандармы...

ДУБОВ (*Бледнея*). Олю схватили?!.. когда? где?..

РАБОЧИЙ (*Вбегая*). Спасайтесь! Нас окружают жандармы и казаки.

КИРЯКИН (*Запирает дверь на засов и бросается в угол комнаты за занавеску*). Сюда!.. За мной!.. здесь есть тайный ход.

Все быстро исчезают вслед за Кирякиным. Сцена несколько минут пуста. В дверь слышится стук; затем дверь трещит, срывается с засова. Вбегают: ПЛЕТКИН, ЖАНДАРМЫ, КАЗАКИ. Среди них связанная, окровавленная Оля.

ПЛЕТКИН (*Осматриваясь и подбирая обгорелые бумажки*). Никого нет... Пусто... Бежали собаки..

ЖАНДАРМ (*Залыкая за занавеску*). Оказывается, здесь тайный выход... Ну, далеко не уйдут... Кругом густая цепь наших...

ПЛЕТКИН (*Подходя к Оле*). Сказывай, где ваши?

О Л Я (*Молчит, смотря на Плеткина и на окружающих с гордым презрением*).

ПЛЕТКИН. Что молчишь, негодная тварь? Бунтарка!.. Отвечай, где спрятались ваши?

О Л Я. Негодяй! Предатель!! (*Плюет Плеткину в лицо*).

ПЛЕТКИН. (*В бешенстве*). А, ты вот как... Эй, Сидорчук!.. Бери ее... Тащи.. Мы тебе и твоему милашке Дубову, покажем, как бунтовать народ... Тащи ее... (*Хватает Олю за руки и вместе с одним из казаков тащит к выходу*).

ЖАНДАРМ (*Указывая другому жандарму на Плеткина, весело смеясь*). Ну, собака мясо учуяла, — будет теперь потеха. (*Все идет к выходу*).

Занавес.

Картина 2-я

Декорация 2-го действия. В будках, возле фабричных ворот, сидят прежние сторожа: Артемьич и Митрич. На заборе, в глубине сцены, а также и на фабричных воротах, висят объявления с крупным заголовком: „Приказ“. Около объявлений толпятся кучки рабочих; рабочие робко жмутся и тихо переговариваются, читая эти объявления.

АРТЕМЬИЧ (*Обращаясь к ближайшей группе рабочих*). Что, соколики, допрыгались... Отвоевались, видно... будя!.. Пошумели и будя...

ОДИН ИЗ РАБОЧИХ. Молчи, старый хрыч... (*К читающим подходит группа пожилых работниц*).

1 РАБОТНИЦА. Что это? О чем припечатано?

РАБОЧИЙ *(Злобно)*. Приказ губернатора...

2 РАБОТНИЦА. Чкни-ко, друг.. Мы неграмотны...

РАБОЧИЙ *(Громко читает)*. Параграф первый.. Приказываю немедленно прекратить всякие сборища и сходки.. Параграф второй.. Приказываю немедленно встать на работы.. Параграф третий.. Кто не встанет немедленно на работы, тот будет уволен с фабрики.. Параграф четвертый.. Приказываю..

1 РАБОТНИЦА. Ах, ты... Приказная строка... Вот тебе в твой приказ. *(Шлеет на об'явление и отходит)*.

1 РАБОЧИЙ. Ну, и баня нам вчера была.. Как нагрянули казаки, да начали нас лупить.. небо с овчину показалось...

2 РАБОЧИЙ. Пьяные были.. На дворе у фабриканта Аршинова угощались.. Говорят, сам он к ним на крыльцо вышел и все просил: уж вы, братцы, постарайтесь.. Усмирите бунтовщиков.. А мы вас не забудем.

3 РАБОЧИЙ. Ну, братцы, и не забыли угощения.. Угостили и нас.. постарались..

1 РАБОЧИЙ. Говорят, сто человек убито.. триста ранено.. А исполосованных нагайками и не счесть..

3 РАБОЧИЙ. *(Злобно)*. Погодите.. Отольются вам наши кровь и слезы.. *(Грозит кулаком по направлению Аршиновской фабрики)*.

2 РАБОЧИЙ. Говорят, арестовали почти всех наших: Дубова, Кирякина.. Батю.. и еще многих.

1 РАБОЧИЙ. Говорят, их накрыли где-то, уж поздно ночью.. когда они собирались обсудить разгром забастовки..

3 РАБОЧИЙ. Говорят, Плеткин выдал..

2 РАБОЧИЙ. Что-то теперь будет.. Что-то будет..

Среди рабочих в глубине сцены движение. Раздаются крики „ведут!.. ведут!.. наших ведут!.. арестованных!!“ Все смотрят в одну сторону, направо, за угол Аршиновской фабрики. Показываются: Дубов, Кирякин, Батя, Ермошкин, Лиза и другие — всего 8-10 арестованных. Все они крепко связаны веревками, избиты, в синяках, ссадинах и порванной одежде. Арестованных окружают казаки и стражники. Толпа рабочих при виде этой процессии в страхе расступается.

ДУБОВ. Товарищи, не падайте духом.. Не все еще пропало. Окончательная победа за рабочим классом.. *(Дубова схватывают два казака; один зажимает рот, другой бьет его прикладом по спине. Некоторые рабочие, особенно женщины, потрясенные сценой, плачут)*.

БАТЯ. Мужайтесь, товарищи... Да здравствует рабочее дело! *(К Бате тоже подсказывают казаки; бьют его, стараясь зажать ему рот. Происходит борьба. Один из казаков ударом приклада сбивает Батю с ног. Батю поднимают и несут на руках. Кучка рабочих бросается вперед, как-бы на защиту Бати, но, получив в ответ удары плетями и прикладами, отстраняется).*

1-й РАБОЧИЙ. Негодяи! Кого бьете?!. *(Показывая на арестованных).* Вы мизинца их не стойте... Хриstopродавцы!..

2-й РАБОЧИЙ. Палачи!

3-й РАБОЧИЙ. Убийцы!..

КАЗАКИ КРИЧАТ: Молчать... Ни с места!.. Как щенят перестреляем. *(Берут винтовки на прицел... Некоторые обнажают шашки. Хватают 1, 2, и 3 рабочих и волокут вслед за другими арестованными. Вся группа—казаки и арестованные проходит сцену и скрывается налево, за угол Бабуриной фабрики).*

Голос ЛИЗЫ: Прощайте, товарищи!.. Держитесь за рабочее дело!..

(Из калитки Бабуриной фабрики выходит фабрикант. Бабурин, окруженный стражниками).

БАБУРИН *(Митричу)*. Отпирай ворота фабрики.. Впускай стадо...

МИТРИЧ *(Подобострастно суетясь)*. Слушаю-с... *(Поспешно уходит во двор фабрики через калитку и через две—три секунды фабричные ворота широко растворяются. Рабочие, понурив головы, тихо входят на фабричный двор. Бабурин смотрит на входящих; на его губах играет презрительно-торжествующая улыбка. На фабрике раздается злобно-призывный вой гудка... Из за угла Аршиновской фабрики появляется Цецуля).*

ЦЕЦУЛЯ. Что, толстопузый чорт, улыбаешься? Приятно видеть, как измученный, забитый народ снова сует тебе шею в ярмо... погоди, рано еще торжествовать... Еще песенка не спета до конца... Настанет день, настанет час, когда мы вам сломаем шею...

БАБУРИН *(Кричит)*. Держите!.. Хватайте его!.. Это агитатор.

ЦЕЦУЛЯ. На, держи, ты... *(Стреляет из револьвера в Бабурина).*

БАБУРИН *(В страхе приседая к земле)*. Ай!.. Ай!.. Застрелил, мерзавец!.. Убил!.. Спасите!.. *(Стражники бросаются поднимать Бабурина).*

БАБУРИН (*Оправляясь от испуга*). Кажется, жив... Невредим... Слава Богу!.. Слава Богу!.. Держите... Держите, его, разбойника! (*Стражники делают движение в сторону Цецули*).

ЦЕЦУЛЯ (*В одной руке револьвер, в другой ручная бомба*). Не подходите... Бомба... Убью всех...

БАБУРИН (*В ужасе*). Ай!.. Бомба!.. Убьет, разорвет в клочки всех (*шлепается в страхе на землю*).

ЦЕЦУЛЯ (*Исчезая за углом фабрики, кричит*). У, негодяи! Берегитесь!..

З а н а в е с .

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Между 2-й картиной IV-го действия и V-м действием промежуток времени в 18 — 20 лет.

Декорация первого действия; над воротами Аршиновской фабрики висит вывеска с надписью: „1-я Государственная ткацкая фабрика“ и над воротами Бабуриновской фабрики вывеска: „2-я Государственная ситце-печатная фабрика“.

В глубине сцены, возле фабричного забора, помост, задрапированный в красное и украшенный флагами: около помоста скамьи.

Входят 1 кузнец, 2 кузнец, 3 кузнец.

1 КУЗНЕЦ. Во сколько начнется?..

3 КУЗНЕЦ. Да, чай, скоро: ровно в час назначили...

1 КУЗНЕЦ. Эко времячко... Дожили... Героев труда будем чествовать... Нашего брата, рабочего... Бывалоче архиреев да генералов чествовали... А теперь-на рабочие в первые люди попали... Вот, Петрович, дожили...

3 КУЗНЕЦ. Погоди... То ли еще будет впереди...

2 КУЗНЕЦ. Эй, гляди, товарищи, Василь Митрич Кирякин идет... Дилехтур фабрики... (*Справа из-за угла ф-ки выходит Кирякин; он заметно возмущал; усы и голова с проседью; одет в кожаную тужурку, высокие сапоги; в кепке*.)

КИРЯКИН (*Подходит к кузнецам, здоровается с ними пожимая руки*). Здравствуйте, товарищи.

1 КУЗНЕЦ. Здравствуйте, Василий Митрич!

2 КУЗНЕЦ. Здравствуй, товарищ дилехтур!..

КИРЯКИН. Ну, как дела? Как попрыгиваем?..

3 КУЗНЕЦ. Прыгаем с вашей помощью, товарищ Кирякин.

1 КУЗНЕЦ. У нас с вами, Василий Митрич, дело пойдет... Вы у нас теперь за генерала...

КИРЯКИН (*Застенчиво*). Ну, что-ж, я один... ничто... Я на вас вот, товарищи, надеюсь... Я, ведь, только винтик в машине... А вот как мы все дружно, да разом завертимся, закрутимся — важнецкая машина выйдет...

1 КУЗНЕЦ. Ты у нас, Василь Митрич, всем головам-голова...

КИРЯКИН *(Смеется)*. Ладно!.. Ладно... Захвалите.. Испортите...

2 КУЗНЕЦ. Ты не из таких... Мы тебя знаем...

КИРЯКИН. Пойду посмотрю, что там делается..
(Проходит во двор фабрики).

1 КУЗНЕЦ *(Глядя в след Кирякину)*. Башка парень! Ай башковатый!.. Ведь чудно прямо: наш брат-рабочий, а все знает, все ведает.. Откуда что берется...

2 КУЗНЕЦ. На-ко, откуда... Ты знаешь, он за забастовку пятого года сколько время в тюрьме сидел... А потом в ссылке сколько лет был... Со всякими хорошими, да знающими людьми там встречался и жил... вот и набрался, научился многому от них...

3 КУЗНЕЦ. У него и своя, природная голова не дура...

2 КУЗНЕЦ. Одно к одному.

3 КУЗНЕЦ. Настоящий пролетарский директор.

1 КУЗНЕЦ. Да, други, вспомнишь старое, и чудно все кажется... Вот сейчас дилехтур фабрики подошел попросту... Здравствуйте, говорит, товарищи... Руку всем пожал... сердечно так... хорошо... А бывало... Не то что дилехтур фабрики, мастеришко фабричный явится: руки в брюки, нос в потолок, шапкой в ответ на поклон не тряхнет... А коли ежели сам хозяин встретится—говори: „пропал“... Накинется аки пес... растерзать готов за пустяк... Вся фабрика от страха трясется... Ведь, за королей, за царей их тогда почитали...

2 КУЗНЕЦ. Больше: за богов... Я тогда у купца Аршинова жил... Так тот, бывало, как начнет на рабочих греметь,-я, говорит, вам царь и бог... Что, хочу с вами, то и сделаю... И делал... Фабричных девушек насиловал... Случалось, под горячую руку, людей убивал...

Во время разговора кузнецов площадь заполняется рабочими, которые входят на сцену с разных сторон. Все весело, по праздничному настроены. Между прочим, являются музыканты-рабочие, которые, группируясь в одном из углов сцены, настраивают инструменты. Часть рабочих рассаживается на скамьях, стоящих перед помостом, другие продолжают стоять, образуя группы беседующих.

3 КУЗНЕЦ. Товарищи! к порядку!.. Герои труда идут... *(В толпе движение. Помост очищается, очищаются и проходы к нему. В толпе собравшихся раздаются возгласы: „Идут... Идут...“ Музыка играет. Сидящие на скамьях встают. Из раскрывшихся ворот одной из фабрик показывается*

процессия: впереди рабочие несут красные знамена с надписями: „Слава героям труда...“, „Да здравствует ессосозидающий труд“ и т. д. За ними идут герои труда: Ермошкин, Лука Петров и Авдотья Сергеева, — все они сильно пожилые, скорее даже старики. За героями труда идет толпа рабочих во главе с Кирякиным и Сидоркиным).

СИДОРКИН (Выдвигаясь вперед). Сюда, сюда, дорогие товарищи! На трибуну.. (Ермошкин, Лука Петров и Авдотья взбираются на подмостки, кланяются на все стороны и конфузливо улыбаются. Толпа рабочих горячо аплодирует им.)

СИДОРКИН (Обращаясь к толпе). Товарищи, рабочие!.. Перед вами стоят „герои труда“, наши уважаемые, наши достойнейшие товарищи, которых мы собрались сегодня чествовать...

Толпа кричит: Молодец Ермошкин!

— Ай да Лука Петров!

— Молодец, бабушка Авдотья!

(Музыка играет).

СИДОРКИН. Товарищи рабочие! Когда-то героями величали царей, королей и генералов... Чем больше эти цари, короли и генералы завоевали народа, чем больше выжигали они городов и сел, чем больше убивали людей и пускали по ветру прахом накопленное другими людьми добро, тем славнее и знаменитее считали их.. Это время прошло, товарищи... Теперь герои у нас иные... Настоящие герои не те, кто лучше изучил науку, как убивать и разорять людей, а те, кто честно и неустанно трудясь, помогают создать ценности на благо всего народа...

Англичанин Уатт, изобретший паровую машину; Стефенсон, пустивший в ход первый паровоз; изобретатели, научившие человечество делать стекло и печатать книги; ученые, нашедшие способ собирать электричество и употреблять его на пользу человечества, — вот истинно великие люди, которыми должно гордиться человечество... Вот первые и настоящие герои... Рабочий, 30 лет простоявший у станка; работница, 25 лет ткавшая ткани на пользу других людей; каменщик, 20 лет добросовестно мостивший мостовую, что-б легче и удобнее было ходить другим; плотник, построивший аккуратно и ладно сотни домов, — все это тоже герои.. герои труда... Таких вот героев труда чествуем сегодня мы, товарищи... (Делает знак рукой музыкантам, которые играют туш).

РАБОЧИЕ КРИЧАТ: Ура!! Молодцы товарищи!!!
Да здравствуют герои труда!!

СИДОРКИН. Вот первый герой труда — Ермошкин, Илья Петрович. Он 50 лет прослужил на фабрике... Пришел на нее десятилетним мальчишкой, а теперь стоит у фабричного станка седоволосым старцем...

РАБОЧИЕ КРИЧАТ: Молодец, Ермошкин!.. Ермошкин не подгадит... Ура, Ермошкину!.. *(Ермошкин смущенно кланяется, поглаживая бороду и лысую голову. Музыка играет туш.)*

СИДОРКИН. Вот ткач — Лука Петров... Он, товарищи, 40 лет простоял у ткацкого станка... За свою долгую жизнь он наткал сотни тысяч аршин всяких тканей, в которые оделись, вероятно, десятки тысяч людей...

Возгласы из толпы: Молодец, Лука Петров! Спасибо старик!.. Он еще миллион аршин наткет... Наткешь, Лука Петров?.. *(Лука Петров радостно улыбается и низко кланяется аплодирующей ему толпе. Музыка играет туш.)*

СИДОРКИН. А вот еще, товарищи, пред вами герои труда... Бабушка Авдотья.. Она тоже 45 лет стояла у станка и много наткала нам штанов и рубашек.

Возгласы из толпы. Ай да бабушка Авдотья! Всем героям — герой! Спасибо бабушка! *(Аплодисменты. Музыка играет туш.)*

АВДОТЬЯ СЕРГЕЕВНА *(У нее на глазах от волнения слезы)*. Спасибо, товарищи!.. Спасибо... Сподобилась... Удостоилась... Спасибо... Эко, до чего дожила... Думала-ли... Гадала-ли... *(Качает головой, улыбается кланяется на все стороны)*.

СИДОРКИН^{III} *(Обращаясь к Ермошкину, Петрову и Авдотье)*. Дорогие товарищи! Позвольте принести вам от имени трудового народа глубокую благодарность за ваши труды на благо народа. А вместе с этим поднести вам вот эти скромные знаки „Красного ордена труда“. *(Прикалывает каждому герою на грудь красные значки. Аплодисменты. Музыка играет туш. Растроганные герои раскланиваются на все стороны. Сидоркин, а затем Кирякин обнимают и целуют героев, поздравляя их)*.

1 КУЗНЕЦ. Товарищи! Други! Эх, не выходит... *(Ударяет себя в грудь кулаком, машет рукой и, подходя к юбилярам, горячо целуется с ними. За кузнецом движутся к юбилярам радостно возбужденной толпой и другие рабочие)*.

СИДОРКИН *(Машет руками, пытается остановить рабочих)*. Товарищи, погодите! Что вы делаете? К порядку! К порядку! Вы программу торжества нарушаете...

КИРЯКИН *(Ласково беря его за руку)*. Ничего, ничего, товарищ Сидоркин... Не беспокойтесь. Так лучше... Проще...

СИДОРКИН. И то дело... Ведь мы не на буржуйском юбилее... *(Оба, радостно улыбаясь, смотрят как рабочие проходят мимо юбиляров длинной лентой, горячо пожимая им руки. Музыка играет.)*

1 ТКАЧ. Гляди-ко!.. Гляди-ко... что дается.. Умиление... Душа переворачивается...

4 ТКАЧ. Погоди, старик... то-ли еще будет впереди... Слышал, поется в рабочих песнях: построим Светлое Царство Труда... Так вот это только еще самое начало...

2 ТКАЧ *(Обращаясь к Ермошкину)*. А помнишь, Ермошкин, 1905 год.. Как нас нагайками казаки лупили..

ЕРМОШКИН *(Смеется)*. В том году я тоже юбилей справлял: мне тогда казаки за 30 летнюю работу на фабрике во как всыпали... два зуба нагайкой выбили...

2 КУЗНЕЦ. Эх, пятый год! Пятый год... Сколько тогда народу погибло за рабочее дело... Помните Дубова... Славный был парень, боевой... Повесили беднягу... А Оля Кирякова... Не за грош девка пропала... Подлец Плеткин сгубил ее...

1 КУЗНЕЦ. А Батю помните?.. По тюрьмам да ссылкам сгноили.

1 ТКАЧ. А Цецулю-то помните, товарищи?.. Огневой был паренек... Ой, огневой.. Помните, как он в Бабурина то, среди бела дня на глазах стражников, стрелял... Тоже погиб за рабочее дело...

2 ТКАЧ. А 17-й год?.. А Октябрь?.. разве мало погибло народу за рабочее дело...

КИРЯКИН. Товарищи! Павшим за рабочее дело вечная память и слава!.. *(Снимает фуражку, за ним обнажают и все дружно)*. Имена погибших за великое дело не умрут в потомстве... Мы будем рассказывать нашим детям не сказки про царей и королей, не глупые выдумки про леших и домовых, а быль про героев - рабочих, павших за народное, за рабочее дело... Мы скажем своим детям: не цари и короли, не добрые духи и феи строят лучшую жизнь для людей,

не они пробивают дорогу в светлое царство будущего, а вот те, кто жизнь свою отдал за рабочее дело... Да вот эти (показывает на юбиляров), что всю жизнь простояли за рабочим станком... (В толпе одобрительный гул голосов. Слышны отдельные возгласы: Верно! Правильно сказано! Молодчага Кирякин!).

КИРЯКИН (Продолжает). Пусть же герои, павшие за рабочее дело, мирно отдыхают в земле... Они сделали свое дело. Теперь очередь за нами, товарищи... Мы кузнецы новой жизни... Давайте же весело и бодро ковать новую, свободную жизнь... Давайте с веселой песней строить светлое царство труда... Споем же, товарищи, рабочий гимн труду, великому, коллективному, всесозидающему труду...

(Запевает „Интернационал“, рабочие и оркестр дружно подхватывают).

З а н а в е с.

UNIVERSITY OF CALIFORNIA
LIBRARY
DIVERSITY

ИВАНОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
УДЕЛ КРЕВЕРИ

